

УДК 329.3:28(5-191.2)

СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЗАЦИИ И РАДИКАЛИЗАЦИИ ИСЛАМА В ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

П.С. Воробьев

Сращивание процессов политики и религии, их радикализация с каждым годом приобретают все большую актуальность в определённых регионах мира. Данные процессы не обошли стороной и Центральную Азию. Постсоветская Центральная Азия, являясь преимущественно мусульманским регионом, ощущает на себе процессы политизации и радикализации ислама. Политизация и радикализация ислама в Центральной Азии усиливают позиции сторонников радикального исламизма, исключающих светскую перспективу развития стран региона и ставящих своей целью создание исламского халифата. Учитывая историческое становление государств региона, политизация и радикализация ислама в Центральной Азии имеют свою определённую специфику.

Ключевые слова: Центральная Азия; СССР; безопасность; ислам; политизация; радикализация.

БОРБОРДУК АЗИЯ МАМЛЕКЕТТЕРИНДЕГИ ИСЛАМДЫН САЯСАТТАШУУ ЖАНА РАДИКАЛДАШУУСУНУН ӨЗГӨЧӨЛҮКТӨРҮ

П.С. Воробьев

Саясий жана диний процесстердин биригүүсү, алардын радикалдашуусу дүйнөнүн белгилүү аймактарында жыл сайын актуалдуулугу жогорулап келүүдө. Бул процесстер Борбордук Азияга дагы таасирин тийгизбей койгон жок. Постсоветтик Борбордук Азия калкынын басымдуу бөлүгү мусулмандар болгондуктан, исламдын саясатташуу жана радикалдашуу процесстерине дуушар болууда. Борбордук Азиядагы исламдын саясатташуу жана радикалдашуусу ислам халифатын курууну көздөп келген, аймактын светтик өнүгүүсүнө каршы турган радикалдык исламизмдин жактоочуларынын позициясын күчөндүрүп келүүдө. Аймактын мамлекеттеринин түптөлүү тарыхын эске алганда Борбордук Азиядагы исламдын саясатташуу жана радикалдашуусунун аныкталган өзгөчөлүгү бар экендигин айтууга болот.

Түйүндүү сөздөр: Борбордук Азия; СССР; коопсуздук; ислам; саясатташуу; радикалдашуу.

SPECIFICITY OF THE POLITICIZATION AND RADICALIZATION OF ISLAM IN THE STATES OF CENTRAL ASIA

P.S. Vorobev

The merging of the processes of politics and religion, their radicalization every year are becoming more and more relevant in certain regions of the world. These processes have not spared Central Asia either. Post-Soviet Central Asia, being a predominantly Muslim region, is experiencing the processes of politicization and radicalization of Islam. The politicization and radicalization of Islam in Central Asia strengthens the position of the supporters of radical Islamism, who exclude the secular perspective of the development of the countries of the region and aim to create an Islamic caliphate. Considering the historical formation of the states of the region, the politicization and radicalization of Islam in Central Asia have their own specific features.

Keywords: Central Asia; USSR; security; Islam; politicization; radicalization.

В постсоветских государствах на волне всеобщей эйфории после развала СССР ускоренными темпами началось внедрение механизмов и элементов демократического управления, однако население и непосредственно государственная власть

не были готовы к быстрому восприятию столь резких перемен. Данный процесс относится и к странам Центральной Азии, которые, с одной стороны, стремились как можно быстрее подвести свои государства под стандарты западной демократии,

а с другой – не могли не учитывать сильные родоплеменные и религиозные традиции общества, оставшиеся фактически неизменными в течение веков, несмотря на 70-летний период насаждения социализма. Крах коммунизма и его идеологии и образовавшийся после этого идеологический вакуум на постсоветском пространстве стал причиной возвращения к истокам национальных ценностей, в том числе, к возрождению исламских традиций коренных народов Центральной Азии. Одновременно с этим в новых независимых государствах стало реальностью явление политизации ислама. Власть опиралась на религию, и данное сотрудничество носило взаимовыгодный характер – властные структуры использовали ислам для поддержки своих действий, а религиозные институты, опираясь на поддержку светских властей, закрепляли свои позиции во всех сферах жизни страны, народа и общества.

На усиление роли политизации ислама в постсоветских государствах Центральной Азии оказал влияние ряд объективных причин, связанных с проблемами транзитных обществ, и в общем плане они могут быть представлены следующим образом:

- после крушения коммунистической идеологии образовался идеологический вакуум. Этот вакуум в Центральной Азии практически сразу стал заполняться идеологией ислама. Мусульманские общины получили сильный стимул к развитию и самоутверждению в качестве значимых общественных сил;
- произошел резкий рост национального самосознания у народов, обретших собственную государственность. Зачастую в условиях преимущественной моноэтничности исламский фактор стал одним из решающих признаков национальной идентичности. Поэтому власти в центральноазиатских странах не препятствовали процессу возрождения исламских традиций. Возможные негативные последствия данного процесса при этом не были учтены;
- принимая во внимание близость границ с Афганистаном и учитывая печальную известность Афганистана как одного из мировых поставщиков наркотиков, немаловажную роль в политизации ислама на территории постсоветских государств Центральной Азии, сыграл наркобизнес;
- экономическая и политическая нестабильность 1990-х гг. способствовала росту протестных движений. Резкая либерализация экономики сопровождалась ухудшением социально-экономического положения значительной части населения, ростом социального

неравенства, разрывом в уровне жизни в странах бывшего СССР. В этих условиях обращение к традиционным канонам ислама явилось реакцией некоторой части населения на новые веяния в их жизни;

- одна из причин политизации ислама в некоторых регионах бывшего СССР была связана с наличием мультикультурной структуры населения. После краха СССР и исчезновения идеологии коммунистического интернационализма и соответствующей государственной национальной политики, полиэтничные мусульманские общества оказались без этого важного общественного регулятора. В такой ситуации идеология ислама, где нет разделения людей по этнической или национальной принадлежности, выступила инструментом регулирования отношений между этносами, объединительной и консолидирующей силой в республиках Российской Федерации (на Северном Кавказе, в Татарстане, Башкирии) и странах Центральной Азии;
- немаловажным фактором усиления роли ислама явился уровень эффективности государственного управления, особенно в начале 1990-х гг., в период смены политического строя и перехода к демократическому управлению, сопровождавшемуся многими негативными факторами [1].

История возникновения исламского политического движения в Центральной Азии началась незадолго до распада СССР. Например, в 1990 г. в г. Астрахань была учреждена Исламская партия возрождения (ИПВ), среди организаторов и участников которой были и представители центральноазиатских государств. Заявленная цель организаторов этой партии была следующая: конституционными методами создать советским мусульманам условия для реализации “исламского проекта”, т. е. возможности жить в соответствии с принципами шариата. Филиалы партии появились в Узбекистане и Таджикистане, ее активисты старались создать аналогичные структуры и в других странах региона, однако по разным причинам это им не удалось [2].

Первые годы независимости государств Центральной Азии прошли под лозунгами восстановления национально-культурных особенностей своих народов, где ислам рассматривался как часть национальной культуры. После развала СССР исламский фактор стал одним из важных элементов, влияющих на политику стран региона. После обретения независимости странами региона последовало восстановление связей с остальным мусульманским миром. В частности, все страны

Центральной Азии стали членами самой авторитетной международной мусульманской организации – Организации Исламского Сотрудничества (ОИС) [3]. Вхождение стран Центральной Азии в ареал мусульманского мира было воспринято достаточно позитивно странами-членами этой организации и руководством ОИС и было расценено как их возвращение в исторический и культурный ареал исламской культуры. Общество исламизировалось, в том числе, не только на фоне введения новых демократических институтов и либерализации экономики, но и на основе резкого падения жизненного уровня населения региона после развала СССР и крушения экономических связей между республиками. В условиях переходного периода ислам становится важным фактором преодоления массового отчуждения и социального неравенства в нестабильные годы социальных трансформаций [4, с. 122].

Общей единой чертой политизации ислама в странах Центральноазиатского региона является разнообразное выражение процесса политизации ислама: во-первых, непосредственно государственной политикой светской государственной власти в отношении ислама как религии, преобладающей на территории региона; во-вторых, движением официальных политических партий с религиозными мусульманскими лозунгами и программами. Например, Партия исламского возрождения Таджикистана (на сегодняшний день признанная террористической организацией) до 2015 г. являлась единственной исламистской партией, официально действовавшей на территории Центральной Азии и всего постсоветского пространства. В-третьих, наличием распространения идей Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и партии “Хизб ут-Тахрир” и других нелегальных экстремистских движений в Центральной Азии, которые во всех странах региона запрещены, но тем не менее имеют большое количество своих сторонников, в том числе и в Кыргызстане [5].

Кыргызстан советского и постсоветского времени характеризуется традиционным обществом, в котором многовековые традиции и обычаи в общественной жизни играли доминирующую роль. Развал Советского Союза способствовал оживлению религиозного сознания всех слоев кыргызского общества. На сегодняшний день в Кыргызстане более 85 % населения относят себя к мусульманам. После развала СССР в республике началось массовое строительство мечетей, возникли новые религиозные течения, был переведен и издан на кыргызском и узбекском языках Коран. После обретения республикой независимости произошли структурные изменения в системе религиозных

учреждений. После расформирования САДУМ [6] был образован собственный муфтият Кыргызской Республики – Духовное управление мусульман Кыргызстана (ДУМК), созданы областные духовные управления мусульман (казыяты). В советское время на территории Кыргызской ССР невозможно было получить исламское образование (ближайшие религиозные учреждения располагались в Узбекской ССР), но после обретения независимости данная проблема отпала, сейчас в стране действует ДУМК, 8 казыятов, 2 тысячи 647 мечетей, 107 медресе и около 2 тысяч 800 имамов (данные за 2018 г.) [7], также имеются исламские высшие учебные заведения, большая часть которых была построена за счет зарубежных спонсоров. Также в Кыргызстане, в единственной из стран СНГ, есть молельная комната в Жогорку Кенеше (Парламенте) республики. После открытия молельной комнаты в стенах Парламента они стали функционировать во многих других государственных и муниципальных организациях [8].

Увеличению количества религиозных организаций в республике способствовало принятие в декабре 1991 г. Закона “О свободе вероисповедания и религиозных организациях” [9]. В нем была провозглашена и закреплена свобода вероисповедания, упрощена процедура создания религиозных объединений и учреждений, на служителей культа распространены нормы трудового законодательства и права собственности.

Как отмечает Н. Курбанова, одной из причин радикализации, ведущей к экстремизму в Кыргызстане, является высокая политизированность религии в республике, перенос акцентов с религиозной этики на политическую идеологию. Религиозный экстремист в той или иной степени выражает неприятие светского общества и других религий. Примером могут служить “Хизб ут-Тахрир” и активисты джихадистско-такфиристских течений салафитской направленности. Вызывают много вопросов в кыргызстанском обществе салафиты: в отличие от Кыргызстана, в остальных государствах Центральной Азии салафизм запрещен, как основа экстремизма и такфиризма. В Кыргызстане он малоизучен, поэтому эксперты, теологи, религиоведы дают ему различные определения: для госслужащих – это радикальное движение, идеологией которой выступает джихадизм; для неофициального ислама – это призыв к предшествующим исламским традициям времен пророка Мухаммеда; для силовиков – это один из инструментов иностранных спецслужб [10].

Некоторые в Кыргызской Республике считают салафизм формой протеста против “официального ислама”. Примером может быть то, что

в Кыргызстане, в отличие от всех стран постсоветского пространства, пока еще не запрещена деятельность религиозной организации “Таблиги джамаат”. Данная организация специализируется на пропагандистской деятельности, привлекая всё большее число последователей среди молодежи. Влияние таблиговцев распространяется на самые верхние эшелоны как гражданской, так и религиозной власти. При этом “Таблиги джамаат” представляет собой типичную сетевую структуру. Официально в Кыргызстане она не зарегистрирована, действует как совокупность отдельных джамаатов и не имеет централизованного управления [11].

Таким образом, ненасильственное внедрение радикальных идей в умы молодежи становится причиной искаженного представления об исламе. Исламскую риторику используют в своих программах многие политические партии на различного уровня выборах, вплоть до президентских и в Жогорку Кенеш республики, в том числе и на выборах в Парламент 2020 года [12].

В последнее время власти республики стали более реально оценивать исходящие от излишней политизации и радикализации ислама угрозы, на что в 2014 г. указывал и бывший президент республики Алмазбек Атамбаев: “Я хочу обратиться к отдельным молдо, политикам и сказать следующее: не принуждайте кыргызский народ к таким шагам. Не навязывайте кыргызскому народу чужую одежду, язык, традиции! Если вам не нравится кыргызский народ, его земля, никто не против, чтобы вы жили в той стране, среди того народа, который вам нравится” [13].

До баткенских событий 1999–2000 гг. [14] обстановка в стране оставалась довольно спокойной ввиду того, что население страны было не столь исламизировано, как в соседних государствах, а руководство Кыргызстана проводило либеральную политику в отношении религии. Однако это не означало полного отсутствия экстремистских элементов на территории страны. Если внутренние факторы играли сдерживающую роль в нейтрализации радикальных элементов, то внешние факторы, в том числе общие границы с временами нестабильными Узбекистаном и Таджикистаном, сыграли существенную роль в распространении религиозно-политического экстремизма. Именно приграничные южные территории Кыргызстана, расположенные в Ферганской долине, стали местом аккумуляции большинства различных радикальных групп, действующих в республике.

Как отметил А. Малашенко в одной из своих работ, “политический ислам постепенно закрепляется в Киргизии и в южных районах Казахстана. В Киргизии, прежде всего в городах Ош и Джалал-

Абад, а также в Баткене ряд исламистских группировок добивался официальной регистрации от Министерства юстиции. В Оше и вокруг него, где, по официальным данным, действует свыше 1000 мечетей, заметно влияние фундаменталистской идеологии, главными носителями которой являются проживающие там узбеки, а также проникающие сюда агитаторы из Таджикистана. В 1996–97 гг. в республике велась пропаганда в пользу создания исламской партии” [15].

Учитывая специфику развития и становления Кыргызской Республики, необходимо указать на несколько важных моментов для недопущения излишней политизации ислама в республике:

- в первую очередь необходимо разрешить социально-экономические проблемы – уменьшение уровня безработицы, повышение общего уровня образования в стране, развитие социальных гарантий для граждан страны;
- искоренение коррупции и трайбализма в республике;
- решение политических кризисов в правовом русле и снижение общего градуса политизации общества;
- разрешение приграничных вопросов с сопредельными государствами;
- введение контроля за деятельностью различных религиозных организаций в республике, в особенности финансируемых из-за рубежа.

В *Казахстане* с начала 1990-х гг. после обретения независимости количество мечетей выросло с нескольких десятков до нескольких тысяч (официально в 1991 г. – 68 мечетей, по данным за 2015 г. – 2482 мечети) [16, с. 11]. Помимо этого, в Алматы открылся Исламский институт, за богословскими знаниями в арабские страны и Турцию выезжали десятки студентов. В 1993 г. президент Казахстана Нурсултан Назарбаев достиг договоренности с Египтом о создании в республике Египетского университета исламской культуры.

Как и в других странах Центральной Азии, в Казахстане феномен “официального ислама” является продуктом советской политики контроля над религией, которая в конечном счете превращала религиозные структуры в один из квазигосударственных органов по “делам религии”. Духовное управление мусульман Казахстана (ДУМК) по своей структуре было копией САДУМа, от которого оно и отделилось [17]. Структуры организованного ислама неофициально поддерживаются властями, и эта модель отношений между государством и исламом распространена во многих странах бывшего СССР. Государство довольно часто финансирует ряд проектов, связанных с деятельностью ДУМК, например, выделяет гранты на религиозное

обучение. Местные государственные органы рассматривают помощь муфтияту как одну из своих обязанностей. Одним из самых явных примеров этого является рост количества мечетей по всей стране. При этом зачастую возникает проблема с их обеспечением подготовленными кадрами священнослужителей.

Эксперты считают, что движения радикального и экстремистского ислама в Казахстане связаны с появлением салафизма. Это направление пропагандирует альтернативную по отношению к традиционному исламу идеологию, стремится разъединить, разобщить верующих по конфессиональному принципу, подвергает критике существующие социальные порядки и нравственные нормы, выступает за создание в Казахстане исламского халифата. Данные обстоятельства и определенная пассивность со стороны государства вылились в сеть террористических атак в разных городах Казахстана. Особенно крупной акцией стали террористические акты 2016 г., совершенные в городе Актобе [18]. По результатам данного террористического акта было заявлено, что его организаторами и исполнителями были сторонники нетрадиционного исламского движения – салафизма [19].

Настораживает и то, что казахстанцы в последнее время проявляют всё больший интерес к нетрадиционным течениям ислама. Особенно это заметно на юге и западе страны, где превалирует казахоязычное население. В отличие от представителей ДУМК, которые по своему поведению больше напоминают государственных чиновников, салафиты, например, не только легко идут на контакт со своими потенциальными последователями, но и порой помогают им материально.

Ситуация, сложившаяся в религиозной сфере Казахстана, требует решения социально-экономических проблем, связанных с:

- уменьшением уровня безработицы, снижением разрыва между бедными и богатыми, развитием социальных гарантий для граждан страны;
- искоренением коррупции;
- введением контроля за деятельностью различных религиозных организаций в республике, в особенности финансируемых из-за рубежа;
- разрешением конфликтов и спорных ситуаций внутри мусульманской общины республики.

В *Республике Таджикистан* оппозиционное исламское движение с самого начала имело ярко выраженный социальный и политический характер. По подсчетам Международного валютного фонда, 63 % населения Таджикистана живет меньше чем на 2 доллара в день. Более 1 млн граждан республики постоянно находятся на заработках

за границей, преимущественно в России. Ежегодно, по оценке ЕБРР, они пересылают на родину около 2,6 млрд долларов США, что составляет примерно 33 % ВВП Таджикистана [20].

На фоне глубокого экономического и социального кризиса в конце XX в. в Таджикистане возник конфликт, переросший впоследствии в гражданскую войну. Предпосылками возникновения конфликта стали безработица, преобладание в экономике страны добычи хлопка, этнорегиональная клановость и отсутствие этнической интеграции. Исламский фактор, заигравший фундаменталистскими красками, также сыграл роль в развитии конфликта, ведь одной из ведущих сил, противостоящей официальной власти в рядах Объединенной таджикской оппозиции (ОТО), была Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ). Эскалации конфликта послужили озвученные в 1992 г. результаты президентских выборов, победу на которых одержал руководитель коммунистов Рахмон Набиев. Несогласные с результатами голосования представители оппозиции (Демократическая партия Таджикистана, ПИВТ, движение “Растохез”) организовали митинги и голодовки. Позже лидеры ПИВТ перешли к вооруженной борьбе. Вооруженный гражданский конфликт продолжался вплоть до 1997 г. и закончился подписанием 27 июня 1997 г. “Общего соглашения об установлении мира и национального согласия”, что ознаменовало конец четырехлетнего вооруженного конфликта в Таджикистане [21]. По результатам подписания мирного соглашения как минимум 30 % политических и государственных должностей закреплялись за оппозицией, в том числе и ПИВТ. ПИВТ довольно долго оставалась основным политическим игроком исламской ориентации в республике.

В целом, говоря о ПИВТ в постконфликтный период, следует отметить процессы дерадикализации взглядов и идей партии, а также ее вклад в нейтрализацию радикальных исламских организаций. Это, в первую очередь, было обусловлено пониманием лидерами партии отсутствия предпосылок к победе в гражданской войне, а также резкого сокращения социальной базы, готовой поддерживать построение исламского государства агрессивными методами. Постепенно, после того как руководство ПИВТ приняло участие во властных структурах, ее имидж и поддержка населением как оппозиционной партии стали падать.

Деятельность партии была запрещена в 2015 г., когда министерство юстиции Таджикистана опубликовало требование “прекратить деятельность партии, которая не соответствует Закону РТ “О политических партиях” [22]. В том же 2015 г. члены партии начали подвергаться гонениям со стороны

официальных властей, часть лидеров партии были вынуждены покинуть Таджикистан из-за начавшейся политики преследования властями сторонников ПИВТ [23]. Деятельность ПИВТ является уникальным примером для всего постсоветского пространства – ведь она была единственной политической исламистской партией, официально действовавшей в постсоветском государстве.

Нынешняя относительная стабилизация положения в Таджикистане сопровождается укреплением власти и ростом авторитарных тенденций семьи президента Таджикистана Эмомали Рахмона. Сдерживая формирование демократической оппозиции, власти поляризуют политические силы, делают политический ислам своим главным оппонентом.

Таким образом, своеобразие специфики политизации и радикализации ислама в Таджикистане в период с 1997 по 2015 г. заключалось в том, что, с одной стороны, государство было объявлено светским, а с другой – так же легально функционировала политическая партия религиозной направленности

Учитывая, что республика входит в десятку беднейших стран мира [24], можно выделить главные рекомендации для Таджикистана:

- вопрос повышения уровня жизни населения;
- немаловажным условием для искоренения попыток радикализации общества является предоставление равных условий всем светским политическим группам для реализации своих политических амбиций и прав;
- учитывая наличие протяженной границы с Афганистаном и в связи с осложнением там политической и военной обстановки – усиление надзора всей границы с Афганистаном, в том числе при помощи сил ОДКБ;
- усиление контроля за финансами, поступающими для финансирования деятельности религиозных организаций в республике;
- предоставление социальных “лифтов” для всех граждан.

Узбекистан традиционно считается наиболее исламизированным государством в Центральной Азии. Это определяется не только историческими предпосылками, но и стремлением узбекских властей, особенно в первой половине 1990-х гг., опираться на “национальную специфику”, т. е. на ислам в национальной культуре узбеков.

Самый густонаселенный регион Центральной Азии – Ферганская долина, расположенная на территории Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана, не случайно является благодатной почвой для радикальных настроений. Из-за социальной неустроенности региона, даже в относительно

стабильное советское время, а также смешения различных национальностей здесь образовался узел самых разных проблем и конфликтов, сложилась тяжелейшая социально-экономическая ситуация. Высокая плотность населения (в долине проживает 14,5 млн человек, что составляет 15–20 % всего населения Центральной Азии [25]), неразвитость экономической инфраструктуры, ограниченность земельных и водных ресурсов, массовая безработица – всё это является потенциальными источниками социального взрыва.

После распада Советского Союза период либерализации общественно-политических и экономических отношений в Узбекистане ознаменовался ослаблением контроля государства над религиозной сферой, чем не замедлили воспользоваться различные элементы радикального ислама. Как и все страны региона, Узбекистан столкнулся с пристальным вниманием и так называемой помощью и поддержкой ряда мусульманских организаций арабских стран. Процессы реисламизации в республике и в регионе, целом, в том числе и неготовность носителей и толкователей ханафитского мазхаба к этим процессам, благоприятно повлияли на возникновение в Узбекистане таких организаций, как Исламская партия возрождения, “Одамийлик ва инсонпарварлик” (Коканд), Исламская партия Туркестана, “Ислом Лашкорлари” (“Воины Ислама”, Наманган), и наиболее крупных: “Адолат” – “Справедливость”, исламистская военизированная группа, организованная в 1991 г. в узбекском городе Намангане, “Товба” – “Покаяние”, созданная в Намангане и объявившая своей целью построение в Узбекистане исламского государства. Примечательно и то, что большинство новообразованных религиозных формирований были основаны в Ферганской долине. К 1992 г. в Андижане, Намангане и других городах Ферганы отмечены случаи захвата мечетей фундаменталистами различного толка.

Стоит отметить, что официальные власти Узбекистана на первых порах после обретения независимости довольно либерально относились к религии и религиозно-политическим организациям. Первый президент Узбекистана Ислам Каримов считал, что противодействие радикальному исламу должно идти по пути государственной поддержки культурного и социального потенциала традиционного ислама. Помимо этого, причина столь лояльной политики государства в отношении религии заключалась в роли ислама как объединяющего фактора в становлении новой узбекской идентичности.

В связи с осложнением политической и вместе с тем и религиозной ситуации в соседнем Таджикистане в Узбекистане в начале 1990-х гг. началась

политика проведения различных репрессий в адрес неугодных властям представителей не только опасных радикальных групп, но и исламских лидеров с умеренными взглядами. Результатом данных действий властей страны стало исчезновение многих умеренных исламских организаций, способных в будущем вести диалог с властями, эмиграция многих экстремистов в соседние государства региона, а также еще большая радикализация части неугодных организаций.

Ужесточение контроля над деятельностью религиозных организаций, а также определенное “гонение” на верующих усилились после ряда террористических актов, совершенных в Узбекистане в конце 90-х гг. прошлого века, официальными организаторами которых властями были названы представители экстремистских течений ислама [26]. Запреты властями исламских организаций и последующее подозрение тысяч мусульман в сотрудничестве с исламистами и их преследование вынудили радикальные исламские группы уйти в подполье. Следует отметить, что столь жесткие меры значительно осложнили количественную оценку состава и качественную оценку деятельности данных организаций и создали в какой-то степени трудности в нейтрализации распространения религиозно-политического экстремизма. В последующем, учитывая жесткий прессинг со стороны государства и отсутствие смысла вступать в открытую конфронтацию с властью, исламистские группировки изменили тактику и перешли к ведению информационно-психологической войны. Все эти действия вылились в образование, а потом и укрепление различных радикальных организаций, действующих не только в республике, но и во всем Центральноазиатском регионе.

После смерти первого президента Узбекистана И. Каримова и прихода к власти Шавката Мирзиёева в Узбекистане наметилась определенная “оттепель” во взаимоотношениях между государственной властью и исламскими религиозными объединениями. Хотя, по мнению западных экспертов, религиозная ситуация в Узбекистане остается сложной и государство полностью контролирует официальные религиозные группы и объединения [27].

Первоначальной задачей для руководства страны должно быть:

- сохранение мира и стабильности в республике;
- немаловажным вопросом является поднятие жизненного уровня населения республики, повышение качества и уровня образования, в том числе религиозного, учитывая, что со времён СССР Узбекистан славился исламскими образовательными учреждениями;

- разрешение вопросов с приграничными государствами, в том числе с Афганистаном;
- проведение по возможности просветительской деятельности, а не только карательных мер в отношении сторонников “Хизб ут-Тахрир” и других исламских движений.

Проникновение ислама во все сферы жизнедеятельности государств Центральной Азии сыграло как положительную, так и отрицательную роль для стабильного развития государств региона. Сегодня, по мнению многих экспертов, основная причина политизации и радикализации ислама обусловлена как незавершенностью процессов государственного и национального строительства, так и трудностями экономических и социально-политических преобразований. Такого рода проблемы имеются во многих странах региона. Сегодня серьезную озабоченность у правящей элиты стран Центральной Азии вызывает политизация ислама и возможность дестабилизации региона с помощью исламского экстремизма, и данные опасения характеризуются рядом обстоятельств. В том числе – быстрое накопление в государствах региона критической массы внутренних проблем. В их числе – бедность, коррупция, неэффективный госаппарат, безработица, межэтнические, межклановые трения, трайбализм, рост влияния наркомафии, разрушение социально значимой инфраструктуры, низкие темпы экономического роста. Эти проблемы уже используются местным исламистским подпольем для дискредитации светских правящих режимов [4, с. 138].

Сказывается также геополитическое соседство Центральной Азии с зонами нестабильности и конфликтов в Пакистане, Синьцзяне и, особенно, в Афганистане. Проникновение в Афганистан боевиков Исламского Государства, действующих в Ираке и Сирии, создаёт единую дугу нестабильности на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. В решении данной проблемы опять встаёт вопрос организации и успешного взаимодействия в единой структуре региональной коллективной безопасности стран Центральноазиатского региона [28]. Постепенная деградация ситуации в Афганистане ведет к тому, что центральноазиатским государствам будет сложно противостоять возникающим проблемам и отражать, в случае необходимости, вызовы воинствующего исламизма. Сохраняется демонстрационный эффект так называемой “арабской весны”, в итоге облегчившей проникновение во власть религиозных экстремистов, ранее исключенных местными светскими режимами из участия в политической жизни [29].

Литература

1. Политизация ислама – реалии современности. По материалам интернет-газеты ZonakZ. URL: <https://zonakz.net/2001/04/10/политизация-ислама-реалии-современ/> (дата обращения: 14.10.2020).
2. Саидов Ш.Ш. Исламский фактор в политических процессах Центральной Азии // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Сер. гум. наук. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/islamskiy-faktor-v-politicheskikh-protsessah-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 14.10.2020).
3. Организация Исламского сотрудничества является самой крупной и наиболее влиятельной официальной правительственной мусульманской международной организацией, была основана в 1969 г. Годы принятия в члены стран ЦА: 1992 (Таджикистан, Туркменистан, Кыргызстан), 1995 (Казахстан), 1996 (Узбекистан). URL: <https://www.oic-oci.org/states/?lan=fr> (дата обращения: 14.10.2020).
4. Проблемы политизации и радикализации ислама как угрозы национальной безопасности Кыргызстана и пути её нейтрализации: коллектив. монография / отв. ред. А.Л. Салиев. Бишкек: ИСАП КРСУ, 2019. 475 с.
5. Список организаций, деятельность которых запрещена на территории Кыргызской Республики. По данным официального сайта Государственной комиссии по делам религий. URL: http://religion.gov.kg/tu/religion_organization/blocked (дата обращения: 14.10.2020).
6. Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана – официальная организация мусульман пяти среднеазиатских республик Советского Союза, действовавшая с 1943 г.
7. В Кыргызстане мечетей больше, чем общеобразовательных школ. По данным ИА 24.kg. URL: https://24.kg/obschestvo/95401_vkyrgyzystane_mechetey_bolshe_chem_obscheobrazovatelnyih_shkol/ (дата обращения: 14.10.2020).
8. Информация Центральноазиатского информационного портала “News-Asia” за 23 июня 2011. URL: <http://www.news-asia.ru/view/t/1222?print> (дата обращения: 14.10.2020).
9. Закон Республики Кыргызстан “О свободе вероисповедания и религиозных организациях”, введен в действие Постановлением ВС Республики Кыргызстан от 16 декабря 1991 г. № 657-ХІІ (утратил силу). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/891> (дата обращения: 14.10.2020).
10. Религиозный экстремизм в Кыргызстане: причины появления, проявления и вероятные сценарии развития. URL: <http://www.stanradar.com/news/full/23017-religioznyj-ekstremizm-v-kyrgyzstane-prichiny-pojavlenija-projavlenija-i-verojatnye-stsenarii-razvitija.html> (дата обращения: 14.10.2020).
11. Пахалин А. “Таблиги джамаат” перед выборами президента Киргизии” (03.08.2017). По данным аналитического портала Фонд стратегической культуры. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2017/08/03/tabligi-dzhamaat-pered-vyborami-prezidenta-kirgizii-44434.html> (дата обращения: 14.10.2020).
12. Усенова А. Процессы политизации ислама в Кыргызстане: влияние на парламентские выборы 2020 года. По данным ИА САВАР. asia. URL: <https://cabar.asia/ru/protsessy-politizatsii-islama-v-kyrgyzstane-vliyanie-na-parlamentskie-vybory-2020-goda/> (дата обращения: 13.10.2020).
13. Атамбаев: “Радикальная исламизация угрожает кыргызской самобытности” (03 ноября 2014). URL: <https://kloop.kg/blog/2014/11/03/atambaev-radikalnaya-islamizatsiya-ugrozhaet-kyrgyzskoj-samobytnosti/> (дата обращения: 10.10.2020).
14. Вооруженные столкновения между боевиками Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и вооруженными силами Кыргызстана и Узбекистана в 1999–2000 гг. на территории Баткенского района Ошской области Кыргызстана.
15. Малащенко А.В. Ислам и политика в государствах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. Стокгольм, 1999. URL: http://ca-c.org/journal/cac-05-1999/st_11_malashenko.shtml#13 (дата обращения: 14.10.2020).
16. Религиозные объединения в Казахстане / под ред. Е.Б. Муратбекова. Астана, 2015.
17. Туйганов М.С. К вопросу о политизации ислама в Казахстане: сущность и тенденции / М.С. Туйганов // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2016. № 1 (16). Вып. 16. С. 54–62.
18. Теракты в городе Актобе 5 июня 2016 г. когда группы приверженцев нетрадиционных религиозных течений напали на два оружейных магазина, воинскую часть и пост полиции. По официальным данным, в результате нападения погибло восемь человек, 38 пострадали.

19. Назарбаев о теракте в Актобе: Это была вылазка последователей салафизма (10 июня 2016). По данным мультимедийного информационно-аналитического портала informburo.kz. URL: <https://informburo.kz/novosti/nazarbaev-o-terakte-v-aktobe-eto-byla-vylazka-posledovateley-salafizma.html> (дата обращения: 14.10.2020).
20. Таджикиские мигранты за первое полугодие перевели на родину \$999 млн. По данным Бюро Радио Озоди (Свобода) в Таджикистане. URL: <https://rus.ozodi.org/a/30741214.html> (дата обращения: 14.10.2020).
21. Общее Соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане. Пакет документов (протоколов, соглашений), подписанных в ходе межтаджикских переговоров между делегациями правительства РТ и ОТО 27 июня 1997 г. на переговорах в г. Москве, РФ.
22. Минюст Таджикистана потребовал прекратить деятельность Исламской партии (28 августа 2015). По данным ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1959052.html> (дата обращения 14.10.2020).
23. Закат таджикского исламского возрождения (13 июня 2018). По данным новостного веб-сайта Kloop.kg. URL: <https://kloop.kg/blog/2018/06/13/zakat-tadzhikskogo-islamskogo-vozrozhdeniya/> (дата обращения: 13.10.2020).
24. The Poorest Countries in the World (November 19, 2018). URL: <https://www.focus-economics.com/blog/the-poorest-countries-in-the-world> (дата обращения: 14.10.2020).
25. *Захватов А.* Долина проблем – Фергана (30.06.2014). По данным информационного сайта dialog.tj. URL: <http://www.dialog.tj/news/dolina-problem-fergana> (дата обращения: 14.10.2020).
26. Взрывы 1999 года в Ташкенте: Теракт исламистов или спецслужб? По данным ИА “Фергана.Ру”. URL: <https://www.fergananews.com/articles/7280> (дата обращения: 14.10.2020).
27. Духовное управление мусульман не согласно с данными доклада Госдепа США о ситуации с религиозными свободами в стране (15 января 2018). URL: <http://novosti-uzbekistana.ru/duxovnoe-upravlenie-musulman-ne-soglasno-s-dannymi-doklada-gosdepa-ssha-o-situacii-s-religioznymi-svobodami-v-strane/> (дата обращения: 14.10.2020).
28. *Воробьев П.С.* ИГИЛ как угроза национальной безопасности Кыргызской Республики / П.С. Воробьев // Вестник КPCY. 2019. Т. 19. № 11. С. 153–158.
29. *Грозин А.В.* Религиозный экстремизм в Центральной Азии: основные общие причины появления (29.12.2016). По данным информационно-аналитического портала “Материк”. URL: <https://materik.ru/analitika/religioznyy-ekstremizm-v-centralnoy-azii-osnovnye-obshchie-prichiny-poyavleniya/> (дата обращения: 14.10.2020).